

Тэрміналогія палітычнай і вайсковай гісторыі

31.05.2003. Пасяджэнне 2.

*Валянцін Мізец (Менск)
кандыдат гістарычных навук,
навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі*

ПЫТАННІ ТЭРМІНАЛОГІІ Ў ДЗЕЙНАСЦІ ДЗЯРЖАЎНЫХ ОРГАНАЎ БНР

У перыяд абвяшчэння Беларускай Народнай Рэспублікі вялікая ўвага надавалася пытанням тэрміналогіі. Разам са станаўленнем дзяржаўнасці фактычна адбываўся працэс стварэння ўласнай беларускай тэрміналогіі. У сваім лісце да рэдакцыі “Вольнай Беларусі” Леанід Леўшчанка прапанаваў “злажыць такую камісію, якая б узяла на сябе абавязак вырабляць тэрміналогію па ўсіх прадметах школьнага навучання”¹. У гэтую камісію павінны былі накіроўвацца ўсе практыкі тэрміналогіі, каб з розных зрабіць аднастайную. І толькі апрацаваную тэрміналогію, на думку аўтара ліста, можна друкаваць у прэсе. Такім чынам, можна было пазбегнуць памылак суседзяў-украінцаў, у якіх на той час кожны падручнік граматыкі меў сваю тэрміналогію. Л. Леўшчанка раіў: “Ніхай кожны з нас возьме на сябе якую небудзь школьную навуку, ці адзел яе, і ад пачатку да канца выпрацуе тэрміны і надрукуе ў “Вольнай Беларусі”². Сам ён прапанаваў матэрыялы для фізічнай тэрміналогіі, якія былі змешчаныя ў двух нумарах “Вольнай Беларусі”. Акрамя таго ў некалькіх нумарах гэтага перыядычнага выдання былі надрукаваныя асобныя тэрміны па анатоміі, географіі і будаўніцтву на беларускай і рускай мове.

Л. Леўшчанка падкрэсліваў, што ў кожнага народу навука, нягледзячы на свой інтэрнацыянальны характар, мае асобнае аблічча. І тым болей у яе ўласных нацыянальных рысаў, чым болей народ уклаў у яе скарбніцу свайго творчага духу.

Пры стварэнні ўласнай тэрміналогіі, “зусім зразумелай і, як мага прастай”, на думку Л. Леўшчанкі, неабходна кіравацца наступным:

“1. Кожны тэрмін павінен брацца з роднай мовы падлуг магчымасці.

2. Ужываць чужаземнае слова ў тэрміналогіі толькі тады, калі німа адпаведнага яму ў нашай.

¹ Вольная Беларусь. 1918. № 30 .

² Тамсама.

3. Для тэрміна трэба ўперві (спачатку – *В.М.*) зналезьці (знайсці – *В.М.*) ўсе словы, якія хоць прыблізна маюць той сэнс, які павінен мець вынайдуемы тэрмін.

4. Пасярод гэтых слоў трэба зналезьці корань і добра ўцяміць яго змест.

5. Ад гэтага кораня стварыць новае слова, ня псуючы ўказаў нашае мовы і маючы пад ўвагаю склад грэцкага ці лацінскага, наагул, чужаземнага тэрміна.

6. Кожны тэрмін павінен быць як мага карацей³.

Неабходна падкрэсліць, што прапановы Л.Леўшчанкі, якія датычаць пытання выпрацоўкі нацыянальнай тэрміналогіі, не страцілі сваёй актуальнасці і на сённяшні дзень.

Праблему распрацоўкі уласнай, беларускай тэрміналогіі дзяржаўных установаў узнікаў вядомы навуковец, прафесар Мітрафан Віктаравіч Доўнар-Запольскі. У судовым, адміністрацыйным і фінансавым справаводстве ён прапанаваў вярнуцца да “тэрміналогіі роднага дзяржаўнага права, каторая ў сёлахбудзе і цяпер больш зразумелая за анямечаныя расійскія найменні”. Так, парламент, паводле яго меркавання, павінен атрымаць найменне “Вальнага Сойму”, а старшыня парламенту – “маршалак галоўны”. Неабходнасць вяртання “старасвецкай праўнай тэрміналогіі” на яго думку абумоўлена тым, што “тэрміналогія Статута ўтварылася ў часы нашай дзяржаўнай (пантвовой) незалежнасці” і “ёю нашыя продкі карысталіся аж да 18-го веку і часткаю нават да 1830-го г.”⁴

Камісія па выпрацоўцы дзяржаўных сімвалаў і ўстанаўленні гістарычных дзяржаўных тэрмінаў, якая дзейнічала пры Народным Сакратарыяце, у маі 1918 г. быў прапанаваны праект перайменавання дзяржаўных установаў і пасадаў. Паводле меркавання камісіі, “прынятыя цяпер тэрміны “Народны Сакратар”, “Рада”, “Старшыня” і інш. былі ўзятыя часткова з амерыканскай канстытуцыі, украінскай, нямецкай, польскай мовы або перакладзены з рускіх найменняў”, а таму патрабуюць замены на ўласна беларускія⁵. Пры распрацоўцы праекту тэрміналогіі камісія абаяпіралася на гістарычныя даследаванні прафесараў М.Доўнар-Запольскага, Я.Карскага і інш. Асноўныя палажэнні праекту супадалі з прапановамі, выказанымі М.Доўнар-Запольскім. Так, паводле праекту прадугледжвалася перайменаваць Беларускую Народную Рэспубліку – у Рэч Паспалітую Беларускую, Раду БНР – у Вальны сойм Рэчы Паспалітай Беларускай, сяброў Рады – у паслоў Вальнага сойму. Па меркаванні камісіі, Старшыня Народнага Сакратарыяту павінен быў называцца Канцлерам Рэчы Паспалітай Беларускай, а Старшыня Рады – Галоўным Маршалкам⁶.

Безумоўна, важнае значэнне ў справе пашырэння нацыянальнай самасвядомасці мела вырашэнне пытання з наданнем вуліцам гарадоў іх гістарычных назваў. Падкрэслівалася, што “наступіў час, калі ніякіх перашкод німа пачаць

³ Тамсама. № 34.

⁴ Тамсама. № 19.

⁵ Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 325, воп. 1, адз. 8, арк. 46.

⁶ Тамсама. Арк. 47.

надворны выгляд Менска перарабляць на свой лад, тутэйшы, беларускі. Гэта справа ні толькі дэкарацыйная, а і маючая важнае маральнае значэнне”⁷. Надворны выгляд места павінен быў напамінаць усім, што тут Беларусь, а не “Северо-Западный край” або “Kresy polskie”. Падкрэслівалася, што вяртанне старым вуліцам іх ранейшай назвы і пошук адпаведнай назвы для новых не будзе ўяўляць цяжкасці, калі гэтым займуцца не чыноўнікі, а людзі, якія працуюць дзеля карысці беларускай справы. Перайменаванне вуліц прапаноўвалася праводзіць паступова, каб жыхары Менску памалу змаглі “прывыкнуць без блытаніны ў галаве” да новых назваў. Адзначалася, што для рэалізацыі гэтай справы павінна быць створана камісія, якая б трымала справаздачу аб сваёй працы перад жыхарамі і давала права кожнаму прысылаць свае праекты. Такім чынам, былі б увекавечаныя імёны “заслужаных для беларускай справы людзей, пачынаючы ад Францішка Скарыны”⁸.

Асобныя аспекты міжнацыянальных узаемаадносін, якія датычылі пытанняў тэрміналогіі, таксама закраналіся ў перыяд абвяшчэння БНР. Прынамсі, гэта датычылася выкарыстання тэрмінаў “жыд” і “яўрэй”. Так, Сымон Дзякоў у сваім лісце да рэдакцыі “Вольнай Беларусі” заклікаў замяніць у друку слова “жыд” словам “яўрэй”. Ён падкрэсліваў пры гэтым, што слова “жыд” у беларускай мове, як і ў польскай з’ўляецца літаратурным словам, а тэрмін “яўрэй” не ўжываецца, і што “выкасоўваннем гэтага слова ні будзе выкасованы і антысэмітызм, што дзеля барацьбы з антысэмітызмам патрэбна шырокая культурна-асветная праца”. Але, разам з тым, на думку Сымона Дзякава, у слова “жыд” “уліта гэтуплікі злосьці і нацыянальнай нянавісці; гэтае слово было і ёсць, к вялікаму сораму, яшчэ на ўсёй Расіі, як крыўдная, прыкрая лаянка, што наносіць боль кожнаму дэмакрату і яшчэ больш таму народу, па адрэсу якога яна пушчана”, а таму “пакуль слова “жыд” будзе існаваць, покуль яно будзе ўжывацца ў друку і гутарцы, да тых часоў астанецца жывучым атрутны карань антысэмітызма”⁹. Зыходзячы з гэтых аргументаў, Сымон Дзякоў і прапаноўваў адмовіцца ад выкарыстання ў друку і гутарцы слова “жыд”. Аднак рэдакцыя заняла іншую пазіцыю. Паводле яе меркавання, “па-беларуску, а так само па-украінску, па-польску і па-французку, слова “жыд” ні мае ў сабе нічога ганебнага, і жыдоўская маса ў нас ні абражаецца ад гэтае назвы. Мы, беларусы, ні можам браць на сябе адказнасці за грэхі вялікарускай нацыі”¹⁰.

Пытанні да Валянціна Мазца

Наталля Палетаева (Менск): Які сэнс Вы ўкладаеце ў разуменне слова і тэрміна? У сувязі з гэтым, ці можна слова “жыд” ці “яўрэй” лічыць навуковым тэрмінам?

⁷ Вольная Беларусь. 1918. № 26

⁸ Тамсама.

⁹ Тамсама. № 1.

¹⁰ Тамсама.

Уладзімер Калаткоў (Менск): Ці можна выкарыстоўваць вопыт працы Тэрміналагічнай камісіі пры ўрадзе БНР? Ці можна вызначыць статыстычныя паказчыкі адносна таго, якая лексіка выкарыстоўвалася пры стварэнні новых тэрмінаў?

Адказы Валянціна Мазца

Адказ Н.Палетаевай: Дзеячы БНР карысталіся словам “жыд”. Нельга казаць, што для іх гэта быў навуковы тэрмін. Адпаведна разглядалася пытанне наконт ужывання слова “жыд”, а не тэрміну.

Адказ У.Калаткову: Вопыт часоў БНР з’яўляецца вельмі карысным. Па-першае, гэта датычыць перакладаў і стварэння новага тэрміна. Звярталася ўвага на этымалогію тэрміна. Зыходзячы з этымалогіі, рабілася выснова, ці шукаць уласна беларускі адпаведнік, ці рабіць пераклад. Гэты вопыт можам выкарыстоўваць і мы сёння. Трэба звяртаць увагу ў першую чаргу на этымалогію, а потым ужо прымаць рашэнне пра далейшае жыццё гэтага тэрміну.

*Игорь Кузнецов (Менск),
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры дипломатической и консульской службы
факультета международных отношений БГУ*

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ: ТЕРМИНЫ, ПОНЯТИЯ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Среди трагедий, потрясавших мир в 20 веке, коммунизм – этот грандиозный феномен эпохи, начавшейся в 1917 г. и оюнчившейся в Москве в 1991 г., – занимает одно из самых значительных мест. Коммунизм родился ранее фашизма и нацизма и пережил их на много лет, затронув четыре великих континента.

От преступлений единичных, от резни ограниченной, вызываемой обстоятельствами, коммунистические режимы в целях обеспечения своей власти переходили к преступлениям массовым, к террору как средству управления. Преступления коммунизма не укладываются в рамки законности и обычая ни с точки зрения исторической, ни с точки зрения моральной. Исторический анализ коммунистических режимов и коммунистических партий, их политики, отношений со своим обществом и со всем остальным миром не сводится к измерению размаха этих преступлений, размаха террора и репрессий. Преступления коммунизма неисчислимы; назовем прежде всего преступления против духа, а также против культуры вообще и национальных культур в частности.

Но как бы ни были тяжелы эти варварские акции для отдельных народов и для всего человечества, еще более тяжким грузом ложатся на их плечи массовые убийства людей, гибель мужчин, женщин, детей. Остановимся только на преступлениях против личности, что составляет суть такого явления, как террор. Мы включаем их в общий перечень, не уточняя, какая практика характеризует тот или иной режим.

Расправа осуществлялась самыми различными способами: расстрел, повешение, утопление, забивание до смерти; смерть в результате искусственно вызванного голода, оставление на произвол судьбы жертвы с запретом оказывать ей помощь; депортация – смерть во время транспортировки (передвижение пешком порядком или в непригодных вагонах), в местах высылки и принудительных работ (изнурительный труд, болезни, недоедание, холод).

Использовались также боевые отравляющие вещества, организовывались автомобильные катастрофы. Что касается периодов, именуемых гражданской войной, то в этом случае провести различие между теми, кто погиб в вооруженных столкновениях с властью, и жертвами массовой резни среди гражданского

населения достаточно сложно. Общее число убитых приближается к отметке в сто миллионов. Эти данные обнаруживают большую диспропорцию.

На первоначальной стадии изучения темы нельзя исчерпать вопрос, требующий дальнейшего углубления и прежде всего определения самого понятия “преступление”. Оно должно отвечать “объективным” и юридическим критериям. С понятием “преступления, совершенные государством” юристы впервые столкнулись в 1945 г. при учреждении союзниками Международного военного трибунала для суда над нацистскими преступниками.

Природу этих преступлений определяет статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала, в которой упоминаются три основных вида преступлений: преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности. Исследуя в совокупности преступления, совершенные ленинско-сталинским, а затем и другими коммунистическими режимами, мы встречаемся со всеми этими тремя категориями.

Преступлениями против мира согласно статье 6а Устава являются:

“Планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений и заверений либо участие в общем плане или заговоре, направленном на осуществление любого из указанных действий”¹.

Сталин, бесспорно, совершил эти преступления; примеры тому – тайное сотрудничество с Гитлером, вылившееся в заключение соглашений от 23 августа и 28 сентября 1939 г., раздел Польши и аннексия Советским Союзом государств Балтии, территорий Северной Буковины и Бессарабии. Советско-германский договор от 23 августа, обезопасив Германию от угрозы войны на два фронта, напрямую способствовал развязыванию Второй мировой войны.

Новое преступление против мира Сталин совершил, предприняв 30 ноября 1939 г. агрессию против Финляндии. Внезапное нападение Северной Кореи на Южную Корею 25 июня 1950 г. и последующая интервенция вооруженных сил коммунистического Китая – явления того же порядка.

Подрывная деятельность, проводившаяся одно время при поддержке коммунистических партий, финансируемых Москвой, также может считаться преступлением против мира, ибо зачастую имеет следствием развязывание войн. Так, коммунистический переворот в Афганистане привел 27 декабря 1979 г. к крупномасштабному вторжению советских войск в эту страну и началу войны, которая до сих пор не закончилась.

Военные преступления определены в статье 6 как “исключительные нарушения законов и обычаев войны: убийства, истязания и увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников;

¹ Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. Москва, 1999. С. 26.

грабеж общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение населенных пунктов; разорение, не оправданное военной необходимостью”.

Эти законы и обычаи были записаны в различных конвенциях, из которых наиболее известна *Гаагская конвенция 1907 г.*, гласящая: “Во время войны гражданское население и участники боевых действий остаются под защитой принципов права, установленного цивилизованными народами, законов гуманности и требований совести”². А ведь множество военных преступлений были совершены по распоряжению Сталина или с его одобрения. Ликвидация почти всех польских офицеров, сдавшихся в плен в 1939 г. (4,5 тысячи расстрелянных в Катыни – всего лишь один эпизод этой акции), – самый наглядный тому пример, получивший широкую огласку.

Но преступления несравненно большего размаха остались по существу незамеченными, в их числе – убийства или смерть в лагерях ГУЛАГа тысяч немецких солдат и офицеров, попавших в плен в 1943–1945 г.; прибавим к этому массовые изнасилования солдатами Красной Армии женщин в оккупированной Германии, не говоря уже о систематическом разграблении промышленных предприятий в странах, занятых Красной Армией.

К той же самой 6-й статье надо отнести и судьбы организованных участников сопротивления, боровшихся с коммунистической властью с оружием в руках, когда они попадали в плен и отправлялись на расстрел или в ссылку: участь бойцов польского антинацистского сопротивления (ПОВ и АК), “лесных братьев” в Литве и украинских партизан, афганских моджахедов и т.д.

Понятие “преступление против человечности” впервые появилось в совместной декларации правительств Великобритании, Франции и России от 18 мая 1915 г. по поводу массовых убийств армян, совершаемых в Турции. Эти убийства были квалифицированы как “новое преступление Турции против человечности и цивилизации”. Зверства нацистов побудили Нюрнбергский трибунал заново определить это понятие в своем Уставе (раздел 6с): “...Убийства, истребление, обращение в рабство, ссылка и другие жестокие меры, направленные против гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим, расовым либо религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежат юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет”³.

Во всех заявлениях Нюрнбергского трибунала выделяется одна важнейшая черта преступлений против человечности: вся мощь государства была поставлена на службу преступной политике. Однако юрисдикция трибунала распространилась лишь на преступления, совершенные во время Второй мировой войны.

² Там же. С. 29.

³ Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. Москва, 1989. С. 146.

Понятие преступления против человечности включает в себя ряд точно обозначенных преступлений. Самым характерным из них является геноцид. В связи с геноцидом, осуществленным нацистами в отношении евреев, и с целью уточнения статьи 6с Нюрнбергского трибунала в *Конвенции ООН от 9 декабря 1948 г.* понятию “геноцид” было дано следующее определение: “Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения среди членов такой группы; e) насильственная передача детей, принадлежащих одной группе людей, в другую”⁴.

Геноцид не всегда бывает того типа, какой обрушили нацисты на евреев и цыган, его жертвами могут стать и социальные группы. В книге русского историка-социалиста Сергея Мельгунова “*Красный террор в России*”, изданной в Берлине в 1924 г., приводится инструкция, данная одним из первых шефов ЧК Лацисом своим подручным: “Мы не ведем войны против отдельных лиц, – пишет Лацис 1 ноября 1918 г., – Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого”⁵.

С самого начала Ленин и его сподвижники определили для себя рамки беспощадной “классовой войны”, когда политические и идеологические оппоненты, а также упрямо неподдающееся население рассматриваются как злейшие враги, подлежащие уничтожению.

Большевики решили устранить физически, придав этому законную форму, любую оппозицию, любое сопротивление, пусть даже и пассивное, их власти. Устранению подлежали не только политические, но и социальные группы, такие как дворянство, буржуазия, интеллигенция, духовенство, а также группы профессиональные – армейские и флотские офицеры, чины жандармерии и т.д.

Эти действия зачастую принимали характер геноцида. Проводимое с 1920 г. *расказачивание*, несомненно, подходило под определение “геноцид”: группа населения, расположенная в пределах строго очерченной территории, казаки, уничтожалась как таковая, мужчин расстреливали, детей, женщин и стариков

⁴ Суровая драма народа... С. 205.

⁵ Таккер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. История и личность. Москва, 1990. С. 14.

депортировали, поселения стирались с лица земли или передавались новым поселенцам, не принадлежащим к казачьему сословию.

Раскулачивание 1930 – 1932 г. было всего лишь повторением расказачивания в гораздо больших масштабах. Предпринятое по требованию Сталина, оно проводилось под официальным лозунгом, усердно повторяемым пропагандой: “Ликвидация кулачества как класса”⁶.

Кулаки, оказывающие сопротивление коллективизации, были расстреляны, другие – вместе с женщинами, стариками и детьми – подверглись высылке. Конечно, они не были ликвидированы поголовно, но тяжкий принудительный труд в необжитых районах Сибири и Крайнего Севера оставлял им мало надежд на выживание.

Сотни тысяч людей сложили там свои головы, но точное число жертв так и осталось неизвестным. Что же касается грандиозного голода 1932 – 1933 г. на Украине, вызванного упорным сопротивлением крестьян насильственной коллективизации, то он за несколько месяцев обрек на гибель 6 миллионов человек.

Здесь классовый геноцид смыкается с геноцидом расовым: голодная смерть детей украинского кулака, жертв сталинского режима, “тянет на весах” столько же, сколько голодная смерть еврейского ребенка в гетто Варшавы, жертвы режима нацистского. Знак равенства между двумя этими фактами ни в коем случае не затрагивает исключительности “освенцимского феномена”: мобилизации современных технических средств для налаживания самого настоящего “промышленного процесса” – строительства подлинной “фабрики уничтожения” с использованием газа и кремационных печей.

Но подчеркнем все же одну особенность многих коммунистических режимов: систематическое использование голода как оружия. Власть стремится взять под контроль все наличные запасы продовольствия и через систему rationирования, зачастую довольно сложную, перераспределять их по своему усмотрению в зависимости от “заслуг” тех или иных субъектов.

Такой прием может дойти до провоцирования голода, охватывающего гигантские пространства. Вспомним, что начиная с 1918 г. странам, находившимся под властью коммунистов, пришлось испытать ужасы голода, уносившего сотни тысяч, если не миллионы жертв. Даже в последние десятилетия два государства Африки, провозгласившие “марксистский путь развития”, – Эфиопия и Мозамбик – были опустошены подобным образом.

Можно подвести первый общий итог этим преступлениям:

- расстрелы без суда и следствия десятков тысяч заложников и находящихся в местах заключения лиц и убийства сотен тысяч взбунтовавшихся рабочих и крестьян в период 1918 – 1922 г.;
- голод 1921 – 1922 г., послуживший причиной смерти 5 миллионов человек;

⁶ Режим личной власти Сталина. К истории формирования. Москва, 1989. С. 52.

- уничтожение и депортация донских казаков в 1920 г.;
- гибель десятков тысяч заключенных концентрационных лагерей в 1918 – 1930 г.;
- большой террор 1937 – 1938 г., в ходе которого было уничтожено около 690 тыс. человек;
- депортация двух миллионов кулаков (и причисленных к ним) в 1930 – 1932 г.;
- уничтожение посредством неоказания помощи во время организованного властями голода шести миллионов украинцев в 1932 – 1933 г.;
- депортация сотен тысяч поляков, украинцев, жителей государств Прибалтики, Молдавии и Бессарабии в 1939 – 1941 г., а затем в 1944 – 1946 г.;
- депортация жителей Республики немцев Поволжья в 1941 г.;
- депортация крымских татар в 1944 г.;
- депортация чеченцев, ингушей и ряда других кавказских народностей в 1944 г.;
- депортация и ликвидация городского населения Камбоджи в 1975 – 1978 г.;
- постепенное уничтожение тибетцев Китаем, начиная с 1950 г., и т.д.⁷

Это далеко не полный перечень преступлений ленинизма и сталинизма и их почти точных юпий, совершенных режимами Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена, Пол Пота.

Тут стоит одна, чисто гносеологическая проблема. Имеет ли право историк пользоваться при характеристике и толковании фактов понятиями “преступление против человечности”, “геноцид”, относящимися к области юридической – не слишком ли эти понятия зависят от конкретного события – осуждения нацизма в Нюрнберге, – чтобы стать частью исторического исследования, целью которого является анализ основных сторон явления, актуальных не только на данный момент, но и в дальнейшей перспективе? И не слишком ли обременены эти понятия весьма эмоциональными “оценками”, способными исказить объективность исторического анализа?

На первый вопрос отвечает современная история, показывающая, что практика массовых убийств, совершаемых государством или партией, отождествленной с государством, не относится лишь к нацистскому государству или к нацистской партии. Босния, Руанда дали доказательства того, что эта практика по-прежнему существует, к тому же она является одной из основных черт 20 столетия.

Что касается второго вопроса, то речь не идет о возвращении к концепциям прошлого века, когда историк часто слову “*понять*” предпочитал слово “*осудить*”. Однако может ли историк, оказавшись лицом к лицу с неисчислимыми человеческими трагедиями, причиной которых были определенная идеология и политика, полностью пренебречь принципами, с которыми связана наша иудео-христианская цивилизация и наша демократическая культура, – таким, например, как уважение к человеческой личности?

Многие известные историки без всяких колебаний применяют термин “преступления против человечности”, как, например, Жан-Пьер Азема в статье

⁷ Черная книга коммунизма. С. 244.

“Аушвиц” (“Освенцим”) или Пьер Видаль-Наке, который в связи с процессом Тувье в своих “Размышлениях о геноциде” пишет: “Говорят о Катыни, об убийствах Советами пленных польских офицеров. Катынь полностью подпадает под определения Нюрнберга”⁸. Таким образом, нам представляется, что мы вполне законно можем употреблять эти определения применительно к преступлениям, совершенным коммунистическими режимами.

Помимо вопроса о прямой ответственности коммунистов, стоявших у власти, возникает вопрос и о пособничестве. Мы видим, что на протяжении 1920 – 1950-х гг. коммунисты всего мира и многие другие люди всюду аплодировали сначала политике Ленина, а затем политике Сталина. Сотни тысяч людей состояли в рядах Коммунистического Интернационала в национальных секциях “всемирной революционной партии”.

В 1950 – 1970-е гг. другие сотни тысяч пели хвалу “Великому Кормчему”, “большому скачку” и “культурной революции” в Китае. Да и совсем недавно немало было тех, кто радовался захвату власти Пол Потом. Многие из них ответят нам: “Мы ничего не знали”. Это правда: утаивание, засекречивание всегда было одним из излюбленных защитных средств коммунистической власти.

Но достаточно часто неведение было результатом слепой и воинствующей веры. Ведь уже с 40 – 50-х гг. стали известны многие факты, и оспаривать их было трудно. Многие из этих громогласных подпевал разочаровались в своих вчерашних идолах, но, к сожалению, они сделали это тихо и незаметно. Но как же мы должны оценивать подобную аморальность: молча отказаться от своих взглядов, о которых когда-то заявлялось во всеуслышание, и не извлечь из прошлого никаких уроков!

В 1969 г. один из первых исследователей коммунистического террора Роберт Конквест писал: “...Трудно устоять перед искушением составить полный перечень неверных толкований и ошибок, допущенных на Западе [в оценке сталинского государства] <...>”⁹.

Мы решили остановиться лишь на нескольких наиболее типичных ошибках, допущенных теми, кто претендует на ясность выводов, моральную зрелость, неподкупность и политическую эрудицию. Один из важных аспектов сталинских репрессий – их воздействие на мировое общественное мнение. Сталин сам учитывал этот аспект, давая распоряжение о проведении “процесса Зиновьева”. Далее Конквест цитирует слова известного историка-эмигранта Б.Николаевского: “...На все такие доводы он презрительно отвечает: “Ничего, проглотят!”. “Многие действительно “проглотили”, – пишет Конквест, – и это один из факторов, сделавших возможным проведение массовых репрессий в СССР”¹⁰.

⁸ Осмыслить культ Сталина. Москва, 1989. С. 59.

⁹ Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 12. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 44.

Суды в особенности были бы малоубедительны, если бы какие-нибудь иностранные и посему “независимые” комментаторы не придавали им юридическое значения...” И Конквест делает суровый вывод о том, что есть полное основание “предположить, что если бы процесс Зиновьева [в 1936 г.] был во всеуслышание и более или менее единодушно осужден на Западе, то Сталин, возможно, не действовал так беспощадно... Те, кто “проплотили” тогда советские процессы, стали до некоторой степени соучастниками дальнейших репрессий, пытки смерти ни в чем не повинных людей”¹¹.

Анализ сути феномена коммунистической власти – диктатуры и террора – не слишком легкая задача. Жан Элленштейн определил сталинизм как гибрид методов греческих тиранов и восточных деспотов. Формула соблазнительная, однако она не объясняет своеобразие этого опыта новейшей истории, его всеохватности, весьма отличной от диктатур, знакомых нам по прошлым периодам. Посмотрим же, каково оказалось в реальности коммунистическое правление в разных странах.

Прежде всего стоит напомнить о русской традиции подавления инакомыслия. Большевики боролись с самодержавным режимом царской России, но жестокости этого режима бледнеют в сравнении с ужасами господства большевиков. Российский император предавал своих политических противников суду, где защита могла излагать свои аргументы наравне с обвинением (если не в большем объеме) и призывать в свидетели общественное мнение страны, которого при большевиках вообще не существовало, а также общественное мнение всего мира.

Как на предварительном следствии, так и после осуждения с арестантами обходились в соответствии с установленным регламентом, а режим ссылки был сравнительно легким. Ссылные имели право взять с собой семьи, им было позволено читать и писать что угодно, государство определяло на их содержание известную сумму денег, они могли заниматься охотой и рыбной ловлей, свободно встречаться с товарищами “по несчастью”. И Ленин, и Сталин могли убедиться в этом на собственном опыте. Даже “*Записки из мертвого дома*” Достоевского, так поразившие в свое время многие умы, представляются довольно безобидными на фоне коммунистических злодеяний.

Разумеется, в царской России жестоко подавлялись бунты и восстания. За период 1825 – 1917 г. в России было приговорено к смертной казни за политические преступления 6360 человек, в 3932 случаях приговоры были приведены в исполнение: 191 – с 1825 по 1905 г. и 3741 – с 1906 по 1910 г. Большевики превысили эти цифры уже к марту 1918 г., всего за четыре месяца пребывания у власти¹². Число жертв царских репрессий не идет ни в какое сравнение с масштабами коммунистического террора.

¹¹ Конквест Р. Большой террор. С. 62.

¹² История и сталинизм / Сост. Мерцалов А.Н. Москва, 1991. С. 205.

В 1920 – 1940-е гг. коммунисты яростно клеймили террор фашистских режимов. Но даже при беглом рассмотрении выясняется, что издесь сравнение не в пользу обличителей. Итальянский фашизм, первым появившийся на исторической сцене и открыто называвший себя “тоталитарным”, сажал в тюрьмы и подвергал жестокому обращению своих политических оппонентов. Тем не менее крайне редко дело доходило до убийств, и в середине 30-х гг. в Италии насчитывалось несколько сотен политических заключенных и несколько большее число *confinati* — лиц, высланных под гласный надзор полиции на острова Средиземного моря. Правда, число политических изгнанников достигало нескольких десятков тысяч.

Накануне войны нацистский террор был направлен против нескольких групп: противников режима, в первую очередь коммунистов, социал-демократов, анархистов и деятелей профсоюзов. Они подвергались открытому преследованию, их сажали в тюрьму, но главным образом, помещали в концентрационные лагеря, где они подвергались весьма жестокому обращению. С 1933 по 1939 г. в тюрьмах и концлагерях было уничтожено, по суду или без суда, 20 тыс. левых активистов; мы не будем говорить здесь о жертвах сведения внутренних нацистских счетов (“Ночь длинных ножей” в июле 1934 г.)¹³.

В другую категорию обреченных на смерть попали немцы, не отвечавшие критерию “представитель здоровой арийской расы”, – психически больные, беспомощные инвалиды, старики. Гитлер осуществил страшную акцию в связи с началом войны: 70 тысяч немцев стали жертвами программы эвтаназии, погибнув в газовых камерах с конца 1939 по начало 1941 г.”¹⁴. Программа была свернута ввиду резкого протеста Церкви, но газовые камеры пригодились для ликвидации третьей группы жертв – евреев. Перед войной меры, направленные на ограничение прав евреев, были широко распространены в Германии, их апогеем стал погром, известный как “Хрустальная ночь”, в результате которого несколько сот человек были убиты и 35 тыс. заключены в концлагеря¹⁵.

Однако с началом войны и особенно после нападения на СССР нацисты развязали подлинный террор, итогом которого стали: 15 миллионов убитых среди гражданского населения оккупированных стран, 5,1 миллиона уничтоженных евреев, 3,3 миллиона советских военнопленных, 1,1 миллиона умерших в концентрационных лагерях, сотни тысяч цыган. Добавим к этим жертвам 8 миллионов человек, депортированных для принудительных работ в промышленности и сельском хозяйстве Германии, и 1,6 миллиона выживших узников концлагерей¹⁶.

Нацистский террор поражал воображение людей по трем причинам: *во-первых*, он непосредственно затронул европейцев; *во-вторых*, нацисты были

¹³ Зевелев А.И. Истоки сталинизма. Москва, 1990. С. 18.

¹⁴ Волкогонов Д.А. Сталинизм: сущность, генезис, эволюция // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 82.

¹⁵ Кузнецов И.Н. Конвейер смерти. Мн., 1999. С. 111.

¹⁶ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. Москва, 1989. С. 24.

побеждены, а их главари осуждены в Нюрнберге, их деяния были официально квалифицированы как преступления и заклеены. И, наконец, разоблачение геноцида оказалось шоковым, преступления потрясли своим внешне иррациональным характером, своей масштабностью и жестокостью.

Мы не ставим себе целью заниматься этой мрачной сравнительной арифметикой, двойной бухгалтерией ужаса, устанавливать иерархию жестокостей. Но факты упрямы, и они показывают, что преступления коммунистов затронули около ста миллионов человек, тогда как нацисты расправились с 25 миллионами.

Это простое сопоставление побуждает задуматься о сходстве между режимом, который начиная с 1945 г. рассматривается как самый преступный режим нашего века, и другим, который пользовался до 1991 г. международным признанием, до сих пор является правящим в некоторых странах и сохраняет своих приверженцев по всему миру. И хотя многие коммунистические партии запоздало осудили преступления сталинизма, они, по большей части, не отрелись от принципов Ленина и не задались вопросом о своей собственной причастности к феномену террора.

Методы, пущенные в ход Лениным и возведенные в систему Сталиным, не только схожи с методами нацистов, но являются их предтечей. Нацисты были во многом подражателями коммунистов. Рудольф Гесс, организатор лагеря в Освенциме, ставший затем его комендантом, оставил знаменательное свидетельство: «Руководство Имперской Безопасности распорядилось доставить комендантам лагерей достаточно подробную документацию, касающуюся русских концентрационных лагерей. Свидетельства очевидцев, беллицев из этих лагерей, дали нам ясную картину условий тамошней жизни. Следует особенно подчеркнуть, что путь, выбранный русскими для уничтожения целых популяций, заключался в использовании людей на каторжных работах»¹⁷. Однако тот факт, что масштабы и методы массовых насилий были впервые введены коммунистами и нацисты могли лишь перенять этот опыт, не означает всё же, по нашему мнению, что можно установить прямую связь между приходом большевиков к власти и появлением нацизма.

На рубеже 20-х и 30-х гг. ГПУ положило начало методу *квотирования*: каждая область, каждый район должны были арестовать, выслать или расстрелять определенный процент лиц, принадлежащих к «чуждым социальным группам». Этот процент спускался сверху как партийная директива. Безумие планирования и учета, мания статистики захватили не только сферу экономики, но и определили тактику и стратегию террора.

Начиная с 1920 г., с победы Красной Армии над белыми в Крыму, стали применяться эти статистические и социологические методы: жертвы отбирались по строго определенным критериям, на основании анкет, заполнения которых никто не мог избежать.

¹⁷ Черная книга коммунизма... С. 202.

Тот же самый “социологический” метод применялся Советами при организации массовых выселков из Балтийских государств и оккупированной части Польши в 1939 – 1941 гг. Перевозка выселяемых в товарных вагонах – неперемнная деталь таких акций – представлялась настолько важной, что в 1943– 1944 гг., в самый разгар войны с нацистами, Сталин считал возможным отозвать с фронта тысячи вагонов и десятки тысяч солдат специальных войск НКВД, чтобы в кратчайший срок провести массовую депортацию народов Кавказа. Эта логика геноцида, когда можно пожертвовать на какое-то время успехами в борьбе с внешними врагами ради уничтожения части своего народа, объявленной врагом внутренним, нашла свое крайнее выражение в пароксизмах Пол Пота и его красных кхмеров.

Мысль о сходстве нацизма и коммунизма в том, что касается их методов уничтожения людей, многим кажется кощунственной. Но вот Василий Гроссман, чья мать была убита нацистами в Бердичевском гетто, первым написавший о Треблинке, один из составителей “Черной книги” об истреблении евреев на территории СССР, заставляет одного из персонажей повести “Все течет”, украинскую крестьянку, так рассказывать о голоде на Украине: “...И писатели пишут, и сам Сталин, и все в одну точку: кулаки, паразиты, хлеб жгут, детей убивают, и прямо объявили: поднимать ярость масс против них, уничтожать их всех, как класс, проклятых <...> И никакой к ним жалости: они не люди, а не разберешь что, твари”¹⁸. А дальше рассказчица переходит к другому: “Как немцы могли у евреев детей в камерах душить?...” И героиня повести заключает: “Кто слово такое придумал – кулачье, неужели Ленин? Чтобы их убить, надо было объявить – кулаки не люди. Вот так же как немцы говорили: жида не люди...”¹⁹.

Как мы видим, удар наносится не столько по отдельной личности, сколько по группе людей. Эта группа, определяемая деятелями террора как “вражеская”, является частью общества, и, согласно логике геноцида, она искореняется именно как группа. И тогда механизмы сегрегации и отторжения, свойственные “классовому тоталитаризму”, становятся удивительно похожи на методы “расового тоталитаризма”²⁰.

Нацисты предполагали выстроить свое общество будущего на основе “чистоты расы”, коммунисты – на основе пролетариата, очищенного от всякой “буржуазной скверны”. Переделка обоих обществ замышлялась в похожей манере, даже если критерии отторжения негодных были разными. Поэтому несостоятельны претензии коммунизма на универсальность, всеобщность: коли план предназначен для осуществления в мировом масштабе, а какая-то часть человечества провозглашается недостойной этого нового идеального мира, то отличие от нацизма лишь в одном: здесь – страты (классы), там – раса.

¹⁸ Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1991. С. 12.

¹⁹ Там же. С. 16.

²⁰ Авторханов А. Технология власти // Вопросы истории. 1991. № 7. С. 46.

Злодеяния последователей Ленина, Сталина, маоистов, опыт Камбоджи ставят перед человечеством – и перед правоведами и историками в частности – новую проблему: как квалифицировать преступления по политико-идеологическим мотивам, направленные на уничтожение не только отдельных личностей или ограниченных групп оппонентов, но и огромных масс людей, являющихся частью всего общества?

Нужно ли вводить новое определение? Некоторые англо-саксонские авторы полагают, что надо, и предлагают термин “политицид”. Или следует пойти по пути чешских юристов, называющих все преступления, совершенные при режиме коммунистов, просто “коммунистическими преступлениями”?

Что мы знаем о преступлениях коммунизма? Что хотим узнать? Почему надо было ждать конца века, чтобы эта тема стала предметом научного исследования? Ведь очевидно, что изучение преступлений сталинизма и коммунизма идет с огромным опозданием в сравнении с изучением нацистских преступлений, несмотря на то, что на Востоке немало трудов посвящено этой теме.

Здесь нельзя не обратить внимание на поразительный контраст. Победители 1945 г. законно поставили в центр своего приговора нацизму его преступления, и особенно геноцид евреев. С тех пор многочисленные исследователи во всем мире работают в этой области. На эту тему написаны сотни книг, сняты десятки фильмов. Однако нет подобных же исследований коммунистических преступлений.

Одной из мало исследованных проблем истории советских репрессий является фальсификация истинных причин смерти и мест приведения в исполнение приговоров о высшей мере наказания. Правда раскрывалась малыми толиками, в основном, начиная с середины 50-х гг. Однако была категория жертв репрессий, о судьбе которых продолжали сознательно лгать и в пору первой реабилитации, и при “застое”, и в разгар перестройки. Под запретом во все эпохи оставалась правда о судьбах тех, кто был расстрелян по приговорам несудебных органов – “особых троек”, “троек”, “двоек”, Особого совещания, Комиссии НКВД и Прокурора СССР и т.д.

Самый ранний из известных нам приказов НКВД по этому вопросу относится к 1939 г. Приказ предписывал на запросы родственников о судьбе того или иного расстрелянного отвечать, что он был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач. Осенью 1945 г. приказ был скорректирован. Заявителям стали теперь говорить, что их родственники умерли в местах лишения свободы.

На заседании Президиума ЦК КПСС 18 августа 1958 г. было вынесено постановление, на основании которого через неделю тогдашний председатель КГБ СССР И. Серов издал развернутое указание. Предписывалось, как и раньше, сообщать относительно расстрелянных, что они были приговорены к 10 годам ИТЛ и умер-

ли во время отбывания наказания²¹. В необходимых случаях (если это требовалось для решения имущественных или правовых вопросов) предписывалось регистрировать смерть в органах ЗАГС по месту жительства осужденного до ареста и выдавать свидетельство о смерти. При этом дата смерти определялась КГБ произвольно в пределах 10 лет со дня ареста, вымышленной была и причина смерти, а в качестве места указывалось место жительства осужденного до ареста.

Органы НКВД-МГБ-КГБ сообщали родственникам осужденных к расстрелу, что последние будто бы осуждены на 10 лет лишения свободы в отдаленных местностях Крайнего Севера без права переписки. Военная коллегия Верховного суда СССР на этом основании давала вымышленную дату смерти. Между днем осуждения и этой датой образовывался разрыв в 5 – 6 лет. В результате этого вымышленные даты стали появляться в официальных документах и свидетельствах о смерти, органы ЗАГС по указанию МГБ продолжали выдавать родственникам липовые свидетельства о смерти. Такие “свидетельства” получили сотни тысяч наших сограждан.

В результате пересмотра архивно-следственных дел с 1954 по 1961 г. из общего количества расстрелянных в несудебном порядке было реабилитировано около 60 процентов осужденных. В отношении их родственникам были объявлены ложные сведения о смерти, якобы наступившей в местах лишения свободы²².

И только в декабре 1962 г. в недрах КГБ вызрело предложение о необходимости отмены существовавшего порядка рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе их родственников. Но это было вызвано отнюдь не гуманными соображениями. Оказывается, сообщение гражданам вымышленных дат и обстоятельств смерти близких их родственников ставило органы госбезопасности в ложное положение, особенно при опубликовании в печати дат смерти лиц, имевших в прошлом заслуги перед государством. Кроме того, регистрация смерти расстрелянных граждан по решениям несудебных органов с указанием в документах вымышленных сроков их пребывания в местах заключения ставили членов их семей в неравные условия с членами семей лиц, расстрелянных по суду. В связи с этим по предложению председателя КГБ СССР В. Семичастного и с одобрения Политбюро ЦК КПСС с 1963 г. на запросы граждан о судьбе их родственников, приговоренных в несудебном порядке к расстрелу, устно стали сообщать действительные обстоятельства смерти этих лиц, а регистрацию в ЗАГС их смерти производили датой расстрела без указания причин смерти, как это делали Военная коллегия Верховного суда СССР и военные трибуналы в отношении лиц, расстрелянных по приговорам судов²³. Тем, кому ранее давались лживые ответы (в соответствии с указаниями 1955 г.) продолжали лгать по-прежнему. Не изменен

²¹ Кузнецов И.Н. Конвейер смерти. С.248.

²² Там же. С. 302.

²³ Реабилитация: политические процессы 30-50-х гг. / Под общ. ред. А.Н.Яковлева. Москва, 1991. С. 31.

был порядок и относительно сведений, сообщаемых за границу. Здесь, как и прежде, предлагалось руководствоваться соображениями практической целесообразности в каждом отдельном случае.

Ложь образца 1963 г. просуществовала до конца 80-х была отменена (опять-таки по согласованию с “инстанцией”) приказом по КГБ СССР от 30 сентября 1989 г. Таким образом, граждане, получившие ответ между 1955 и 1963 г. и не обращавшиеся с новыми запросами после 1989 г., так и остались в заблуждении относительно подлинных причин и дат гибели своих близких²⁴.

А не удивительно ли, что архивы КГБ периода массовых репрессий до сих пор хранятся под грифом “секретно”? Будут ли открыты для изучения специалистов дела бывших работников НКВД, где технология репрессий документально представлена в форме геноцидных разнарядок? Какие архивные материалы уже уничтожены? По приказу кого?

Ответить на эти и многие другие вопросы позволил бы более открытый доступ исследователей в ведомственные архивы и прежде всего КГБ. Давно уже стоит закономерный вопрос: какие типы документов должны быть переданы на хранение в Национальный архив РБ из архивов КГБ. Из анализа основных видов документов следует, что без их детального изучения невозможно получить объективную картину репрессий периода 1920 – 1950-х г. на территории Беларуси.

В связи с тем, что многие до сегодняшнего дня не знают о судьбе своих родных, репрессированных в период 1920– 1950-х г., необходимо иметь представление о хранении в архивах госбезопасности архивно-следственных дел. Этот порядок был утвержден еще Председателем КГБ СССР 18 ноября 1961 г. Согласно ему в архивах КГБ хранятся все дела на осужденных по политическим мотивам. В территориальных органах госбезопасности хранятся архивно-следственные дела, по которым эти органы вели предварительное следствие, а также уголовные и гражданские дела, которые содержат “секретные” сведения. Кроме этого, хранятся протоколы заседаний Особой тройки НКВД БССР на осужденных по политическим мотивам.

Исключительное внимание к преступлениям сталинизма полностью обоснованно. Оно отвечает стремлению тех, кто стал жертвой этих преступлений, свидетельствовать против них, стремлению ученых понять их, помогает нравственным и политическим авторитетам еще раз утвердить демократические ценности.

Пытанні да Ігара Кузняцова

Якаў Басін (Менск): У 20 – 30-я гг. 20 ст. падчас рэпрэсій існавала даволі значная катэгорыя “лішэнцаў”. Наколькі я ведаю, яны былі пазбаўленыя выбарчых правоў, пераважна па прычыне паходжання з духавенства, лавачнікаў і г.д. Як адлюстравана ў гістарычнай літаратуры гэтая катэгорыя рэпрэсаваных?

²⁴ Кузнецов И.Н. Конвейер смерти. С. 40.

Андрэй Кіштымаў (Менск): Як Вы лічыце, чаму з гістарычнай літаратуры паступова прыбралі, на маю думку, абсалютна адэкватны тэрмін “сацыялізм” і замянілі яго тэрмінам “таталітарызм”?

Адказы Ігара Кузняцова

Адказ Я.Басіну: Упершыню гэтая катэгорыя была вылучана амаль адразу пасля стварэння ВЧК напрыканцы 1917 г. Фелікс Дзяржынскі праз два тыдні пасля ўтварэння Камісіі падпісаў “Памятку чэкісту”. Менавіта там упершыню дакументальна быў ужыты тэрмін “іжжывішы сябя классы”. Аднак юрыдычнага афармлення ён не атрымаў. Пазней у 20-ыя г. адносна гэтых класаў пачалі фігураваць такія сродкі пакарання як пазбаўленне выбарчага права, “поражение в правах”. Паступова былі выпрацаваныя некалькі крытэрыяў, якія дазвалялі аднесці чалавека да катэгорыі “лішэнцаў”. Гэта – матэрыяльнае становішча, канфесійны стан, тэрытарыяльнае паходжанне і займаемыя пасады. Але як юрыдычная катэгорыя “лішэнцы” не існавалі. Гэты тэрмін шырока ўжываўся ў навуковай літаратуры і публіцыстыцы. Пра “лішэнцаў” напярэдадні калектывізацыі пісаў доктар гістарычных навук з Новасібірскага аддзялення РАН Красільнікаў. Дугін-Заскоў лічыць, што тэрмін “лішэнцы” ўсё ж такі існаваў у тагачасным праве ў сувязі з перасяленнем і высылкай. Трэба прызнаць, што нейкай абагульняючай працы па “лішэнцам” нават на ўзроўні артыкула на сённяшні дзень няма.

Адказ А.Кіштымаву: Што датычыць замены паняцця “сацыялізм” на паняцце “таталітарызм”, заўважу, што, напрыклад, чэшскія гісторыкі не ўжываюць тэрмін “сацыялізм”. Яны карыстаюцца тэрмінам “камунізм”, які датычыць перыяду з 1947 па канец 80-х гг. 20 ст. Увядзенне новага тэрміна “таталітарызм” у нас звязана з больш аб’ектыўнай распрацоўкай такіх праблемаў, як рэпрэсіі, войны ды інш. Канцэнтрацыя ўвагі на негатыўных момантах і паспрыяла пашырэнню тэрміна “таталітарызм” і выцясненню з ужытку тэрміна “сацыялізм”. У той жа час палітолагі часцей карыстаюцца тэрмінам “рэжым”, які можа быць дэмакратычным або недэмакратычным і г.д.

Евгений Розенблат (Берестье)

кандидат исторических наук,

доцент БрГУ им. А.С.Пушкина

ТЕРМИНОЛОГИЯ ТЕМЫ ХОЛОКОСТА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Тема Холокоста всё более осязательно становится предметом научного изучения. Этот феномен исследуют историки и этнографы, филологи и теологи, философы и демографы, психологи и представители других научных дисциплин. Тем более важным и актуальным представляется вопрос о дефинициях. Ведь и сегодня у представителей различных наук, даже у специалистов в одной отрасли знаний, некоторые понятия и термины трактуются по-разному, что затрудняет адекватное понимание положений и выводов исследователя. В документах по теме, специальной литературе, мемуарах, в обиходе зачастую как синонимы используются такие термины, как:

1. Холокост (укр. Голокост, Голокауст; белор. – Галакост) – Катастрофа – Шоа – геноцид – “окончательное решение еврейского вопроса”.

2. Гетто – еврейский район – еврейский квартал – концлагерь.

Наиболее острую полемику вызывает вопрос о соотношении понятий, обозначающих трагедию еврейского населения стран Европы в годы Второй мировой войны. Как полярные можно отметить точки зрения о том, что: 1) дефиниции Холокост – Катастрофа – Шоа – геноцид – “окончательное решение еврейского вопроса” являются тождественными; 2) эти термины имеют различную смысловую нагрузку и не совпадают между собой.

Естественно, что столь различные подходы имеют определённые последствия и напрямую отражаются на выводах исследователей. Сторонники “уравнительного” подхода чаще всего отстаивают мнение о том, что, поскольку принципиальной разницы между терминами не существует, следовательно, и нет необходимости использовать некие специальные дефиниции для обозначения нацистской политики массового уничтожения евреев, признавая единственно верным понятие “геноцид”. Тем самым, по сути, опровергается уникальный характер самого явления, подчёркивается его “стандартность”. Исследователи, настаивающие на том, что тотальное истребление еврейского народа – это исключительное, не имеющее аналогов в мировой истории явление, считают вполне закономерным использование таких специальных названий, как Холокост (Катастрофа, Шоа). Для того, чтобы разобраться с данной проблемой, необходимо обратиться

к этимологии, т.е. проследить историю происхождения каждого термина, а также определить географию его применения и степень распространения.

Авторы идеи поголовного уничтожения еврейского населения – нацистские лидеры (А.Гитлер, Г.Геринг, Р.Гейдрих и др.) употребляли термин “окончательное решение” (*Endloesung*). При этом на разных этапах разработки единой программы действий в отношении европейских евреев они вкладывали различный смысл в содержание этого понятия. Безусловно, антисемитская политика нацистов после их прихода к власти в Германии изначально не имела целью физическое истребление еврейского народа. Скорее это было ещё не достаточно артикулированное желание избавиться от евреев, удалить их путём массовой депортации за пределы того жизненного пространства, которое должна была занять “германская раса”. Эволюция “окончательного решения” привела к тому, что смутная, не спланированная во всех деталях операция, направленная на избавление от евреев, приобрела конкретную форму, и курс был взят именно на физическое уничтожение. Существует обширная научная литература по вопросам о механизме принятия “окончательного решения”¹ и интерпретации содержания этой формулы. Только после начала Второй мировой войны уничтожение евреев становится своеобразным лейтмотивом антиеврейской политики нацистов. Ещё одним поворотным пунктом стала осень 1941 г. 15 ноября 1941 г. в ходе совещания А.Розенберга с Г.Гиммлером среди прочих обсуждался и еврейский вопрос. Тремя днями позже на секретном инструктаже для немецких журналистов А.Розенберг, говоря о совещании, отметил, что еврейский вопрос может быть решен только путём физического уничтожения всего европейского еврейства (как вариант упоминалось и о другом решении – высылке всех евреев за Урал).

Традиционно считается, что официально принципиальная позиция по еврейскому вопросу была сформулирована на т. н. Ванзейской конференции (20 января 1942 г.). Действительно, хотя в официальном протоколе не фигурировали такие термины, как убийство, элиминация (выселение) и уничтожение, скорее всего именно в начале 1942 г. идея “окончательного решения” выкристаллизовалась как решение о тотальном физическом уничтожении евреев. На сегодняшний день понятие “окончательное решение еврейского вопроса” определяется как планомерное, последовательное, тотальное физическое уничтожение нацистами европейских евреев в период 1942–1945 гг. и прочно ассоциируется с Ванзейской конференцией.

Термин “Холокост” (“Holocaust”) как определение преследования нацистами еврейского населения в оккупированных европейских странах появился впервые в бюллетене Еврейского телеграфного агентства от 24 декабря 1942 г. в значе-

¹ См.: Михман Д. “Окончательное решение еврейского вопроса”: возникновение и реализация идеи // Холокост и дело Еврейского антифашистского комитета: Материалы IV международной конференции “Уроки Холокоста и современная Россия” / Под ред. И.А.Альтмана. Москва, 2003. С. 55-74.

нии “сожжение заживо”, т.е. как обозначение одного из способов уничтожения евреев, применяемого нацистами наряду с повешениями и расстрелами. Хотя можно привести примеры “частного” использования понятия “Холокост” по отношению к гитлеровским преступлениям против еврейского народа в тот период, когда ещё не была в полном объёме развёрнута гитлеровская политика уничтожения (так, во вступительной статье А.А.Брильяк собранию сочинений З.Фрейда, изданных в 1938 г., автор употребил этот термин, говоря о гитлеровском антиеврейском терроре в Вене и судьбе З.Фрейда и его семьи).

Специальные названия на еврейском языке стали широко использоваться для определения судьбы евреев в годы Второй мировой войны во второй половине 40-х гг. У каждого из них своя история. “Hurb`n” (идиш) издавна употреблялось как термин, обозначающий несчастья древних евреев, символизирующий разрушение первого и второго Храма, имеющий подчёркнутое религиозное содержание. Слово “Sho`ah” (иврит) буквально переводится как “страшное разрушение, катастрофа”. Библейское определение “Шоа” включает в себя божественный суд и наказание. Использование указанных терминов на идиш и иврите вызывало у израильтян определённые сомнения, так как могло привести к интерпретации трагедии евреев в годы войны как продолжение прошлых несчастий. Поэтому израильские историки более охотно начали использовать понятие “Холокост”, а параллельно с ним термин “Катастрофа” (“Catastrophe”). (Можно отметить, что единичное использование термина “Катастрофа” началось ещё в преддверии тотального уничтожения евреев: в 1940 г. на иврите была издана брошюра под редакцией А.Гартпласа “Катастрофа евреев Польши”).

Достаточно продолжительное время понятие “Холокост” не являлось доминирующим в определении трагедии европейского еврейства. Более широкое употребление в историографии этого термина отмечается в 50-е годы 20 в., когда обозначение “Холокост” воспринималось как англоязычный эквивалент еврейских понятий “Hurb`n” и “Sho`ah”.

Признано, что заслуга в популяризации термина “Холокост” принадлежит израильскому писателю Эли Визелю, который разъяснил, что слово Холокост взято из греческого перевода Библии и, следовательно, его смысловое значение изначально заимствовано из иврита и переводится как “сожжённая жертва”, “жертвоприношение”. Э.Визель сравнил Холокост с принесением в жертву Авраамом своего сына Исаака. Некоторые исследователи подчёркивали неоправданность использования термина Холокост именно в связи с его религиозным содержанием. Так, немецкий историк Вальтер Лакер заметил, что нацисты не выступали в роли исполнителей ритуала жертвоприношения, а евреи не являлись ритуальными жертвами. Но в конце 60-х–70-е гг. термин “Холокост” начал вытеснять на второй план все остальные аналогичные понятия (*Хурбн*, *Шоа*). Показателем того, что научная общественность признала эту дефиницию, стало отнесение в раздел “Холокост” в библиотеке Конгресса США книг по истории европейских

еврейских общин периода Второй мировой войны. 29 декабря 1971 г. ежегодный съезд Американского исторического общества впервые посвятил одно из своих заседаний теме “Холокост” (участие в нём приняли такие крупнейшие специалисты как Герд Корман, Рауль Гилберг, Исаяя Трунк, Рэндольф Брэхэм). В 1977 г. в прокате появился американский документальный 14-серийный телефильм “Холокост” и это привело к тому, что данный термин получил признание не только со стороны специалистов, но и занял определённое место в массовом сознании, выйдя за пределы англоязычных стран. Такие факты, как создание научно-исследовательских центров в “Холокост” в различных государствах и открытие музея Холокоста (“Holocaust Memorial”) в Вашингтоне в 1993 г. свидетельствуют об успешном укреплении позиций термина. По мнению западных историков, временные рамки Холокоста охватывают период с 1933 по 1945 г. В рамках темы Холокоста работают представители практически всех гуманитарных дисциплин, находя всё новые аспекты для её углубленного изучения.

Некоторые историки вносили предложения ввести в научный оборот понятие, которое бы обозначало в целом глубину преступлений нацистов против человечности: например, Уильям Стирон предложил использовать в универсальном и символическом смысле термин “Аушвиц”².

Но в итоге таким всеобъемлющим термином стало понятие “геноцид”. Его “изобретение” принадлежит американскому юристу Рафаэлю Лемкину, который ещё в 1943 г. писал: “Пишущий эти строки называет “геноцидом” действия завоевателей, уничтожающие народы и этнические группы... Геноцид осуществляется в форме одновременной агрессии против разных сторон национальной жизни покорённого народа: уничтожаются институты его самоуправления, ему навязывается немецкая власть, регион его обитания заселяется немцами, уничтожается интеллигенция, являющаяся его духовным ядром... уничтожаются культурные учреждения или запрещается их деятельность... В сфере физического выживания проводится политика “голодных порций”, т.е. ограничения пищи для “ненемцев”, посредством чего осуществляются фактические убийства, в основном евреев, поляков, словаков и русских...”³ В 1944 г. была издана книга Р. Лемкина “Основное правило в оккупированной Европе” и термин “геноцид” стал юридическим понятием. Юридический смысл этого термина был расширен и уточнён в Международной конвенции “О предупреждении преступлений геноцида и наказания за него”, подписанной 9 декабря 1948 г. в Париже и ратифицированной всеми странами – членами ООН⁴. Согласно конвенции, под геноцидом понимаются следующие действия: убийства членов какой-либо группы; причинение серьёзных телесных поврежде-

² Shapiro R.M. Holocaust: usankcjonowanie terminu historycznego // Biuletyn ŻIH-u – Instytutu naukowo-badawczego w Polsce. Warszawa. 1994. Nr 1-3 (169-171). Styczeń-wrzesień. S. 3-8.

³ Катастрофа европейского еврейства. Ч. 1-2. Тель-Авив, 1995. С. 15.

⁴ Видаль-Наке П. Геноцид // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М.Ферро и Ю.Афанасьева. Москва, 1989. С. 57.

ний или умственного расстройства членам такой группы; преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде какой-либо группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Концепция геноцида не предполагает обязательного биологического единства преследуемой общности людей. Этимология этого понятия восходит не к слову “ген”, а к родственному ему, также латинскому слову “генезис” (происхождение). Геноцид – это уничтожение или преследование людей по признаку определённой общности их происхождения, т.е. по принципу коллективной ответственности. Идеология геноцида основана на убеждении в том, что репрессии могут и должны распространяться не только на людей, виновных в чём-то персонально, но и на лиц, принадлежащих к одной с ними группе (социальной, культурной, биологической).

Термин “геноцид” вошёл в политический обиход вскоре после Второй мировой войны в связи с расследованием преступлений фашизма и широко использовался в документах ООН. Но сама практика геноцида, вероятно, существовала во все известные периоды истории⁵. Геноцид – это феномен, известный ещё с античных времён. Полномасштабный геноцид означает, что его организаторы ставят целью тотальное физическое уничтожение отдельных общностей (всеобъемлющий геноцид – уничтожение не части, а всех). Было только несколько примеров полномасштабного геноцида до 20 в. Наиболее крупный пример – 1492 – 1750 гг. – действия испанцев и португальцев против индейцев Латинской Америки и геноцид северо-американских индейцев. По мнению исследователя Х.Шеррера, в 20 в. было 4 случая полномасштабного геноцида, который унёс больше жертв, чем в любой предшествующий период:

1. Турецкий геноцид в отношении армян (количество жертв в 1915 – 1923 гг. составило 1,5 млн. чел.).
2. Действия нацистского германского государства и его союзников против населения оккупированных стран.
3. Геноцид в Кампучии (1975 – 1979 г.).
4. Геноцид в Руанде (1994 г.).

Современный геноцид – это организованное государством массовое убийство или преступление против человечности, уничтожение людей, принадлежащих к отдельным национальным, этническим, религиозным группам. Геноцид – это преступление, которое планируется, готовится и систематически выполняется.

Применительно к преследованию этнической, национальной группы, чья культурная традиция насильственно искореняется и прерывается, иногда используется более узкое по содержанию понятие “этноцид”. Составной частью геноцида

⁵ Старовойтова Г. Геноцид // 50/50: Опыт словаря нового мышления... С. 54, 55.

является также политцид (уничтожение или преследование отдельных политических групп) и демоцид (репрессии в отношении отдельных социальных групп)⁶. Следует подчеркнуть, что несмотря на данное в международной конвенции чёткое определение понятия “геноцид”, дискуссии вокруг определения всё ещё продолжаются, причём научные цели зачастую “незаметно” переходят в поиск политических дивидендов или, наоборот, в стремление избежать политических последствий и ответственности. Переплетение науки и политики обусловило неприменение определения геноцида по конвенции во многих случаях, явно и бесспорно подпадающих под эту дефиницию, вплоть до отрицания самого факта геноцида (например, поведение советского руководства по отношению к жизни миллионов граждан после Чернобыльской аварии)⁷.

Исходя из нового контекста, многие понятия нуждаются в переосмыслении и переформулировании. Безусловно, необходимо ответить на вопрос, как соотносятся между собой понятия “геноцид” и “Холокост”? Не трудно убедиться в том, что в настоящее время область явлений, обозначаемых как “геноцид” и “Холокост” заметно расширилась, а частота употребления этих терминов существенно возросла. В связи с этим смысл, вкладываемый в названные слова, значительно изменился. Данное положение дел можно объяснить тем, что дискуссия о геноциде и Холокосте ведётся специалистами разных направлений и видов деятельности, среди которых не только учёные и политики, но и представители свободных профессий – писатели, художники, журналисты. Термин “Холокост” зачастую используется наравне с понятием “геноцид”. Произошло своеобразное “сращивание” терминов, что привело в определённой степени к подмене понятий. В 80 – 90-е гг. произошла “вестернизация” термина “Холокост”. Он начал употребляться повсеместно в политологической литературе для характеристики любых проявлений геноцида. Например, уничтожение цыган нацистами также именуют Холокостом (хотя предпринимались попытки ввести в научный оборот специальный термин “параймос”), а книга историка Ричарда Лукаса “Забытый Холокост” посвящена теме геноцида поляков в годы Второй мировой войны⁸. Более того, понятие “Холокост” начало соотноситься с такими событиями прошлого, как уничтожение армян турками, а также с современными примерами геноцида. Глобализация термина “Холокост” вызывает возражения со стороны исследователей, отстаивающих “чистоту” его использования только для опреде-

⁶ Scherrer Ch.P. Towards a theory of modern genocide. Comparative genocide research: definition, criteria, typologies, cases, key elements, patterns and voids // Journal of Genocide Research. 1999. 1 (1). P. 13-23.

⁷ Банчик Н. Холокост европейских евреев в свете исследования геноцида (Holocaust and Genocide Studies) // Катастрофа европейського єврейства під час другої світової війни. Рефлексії на межі століть: Зб. наукових праць. Матеріали конференції 29-31 серпня 1999 р. Київ, 2000. С. 19, 23.

⁸ Lukas R.C. The forgotten Holocaust. The Poles under German Occupation. 1939-1944. Kentucky, 1986.

ления геноцида евреев. Эли Визель, много сделавший для внедрения этого термина в массовое сознание, по сути, заявил о своём отказе использовать его в дальнейшем, так как “каждое трагическое стечение обстоятельств, которое случается сейчас, называется “Холокостом”. После выхода в 1985 г. знаменитого фильма Клода Ланцмана “Sho’ah” термин “Холокост” всё чаще стал заменяться термином “Шоа”. Использование ивритского термина – это попытка отойти от вестернизации и универсализации и вернуть в научную терминологию специальный термин для обозначения случившегося с евреями в годы Второй мировой войны.

В советской историографии из всех рассмотренных понятий использовались только два – “окончательное решение еврейского вопроса” и “геноцид”. Благодаря модернизационным процессам, которые происходят в исторической науке на постсоветском пространстве, можно констатировать, что термин “Холокост” всё более активно используется в научной литературе и СМИ. Но здесь есть некоторые нюансы, понимание которых позволяет осмыслить как положительные, так и отрицательные стороны этого “проникновения”. Использование термина “Холокост” является своего рода показателем интеграции исторической науки в бывших советских республиках европейскую и мировую историческую науку. При этом следует принимать во внимание, что в определённом смысле в этом присутствует политическая конъюнктура. Поскольку в Европе с большим уважением и вниманием относятся к теме Холокоста, политический и научный истеблишмент в ряде государств СНГ не только считает необходимым ввести в обиход термин “Холокост”, но и рассматривает изучение самой темы как ключевой компонент в сфере воспитания толерантности (особенно это очевидно на примере Украины и Литвы). В России ситуация несколько сложнее, там менее ощутимо стремление интегрироваться в европейские структуры⁹.

В Беларуси европейский вектор политики не является приоритетным, поэтому у нас ещё в меньшей степени изучается тема Катастрофы евреев в годы Второй мировой войны и соответственно реже используется термин “Холокост” в научных и политологических публикациях. Тем не менее, можно сказать, что в Беларуси термин “Холокост” начал приживаться в исторической литературе. Но многие белорусские историки ещё полны сомнений, следует ли согласиться с дифференцированным подходом в изучении нацистской политики геноцида. Ведь более глубокая разработка проблемы неизбежно требует выделения нацистской политики в отношении евреев в особую тему белорусской историографии. На проходящих в республике научных конференциях, посвящённых истории Второй мировой войны, постоянно поднимаются одни и те же вопросы: следует ли использовать иностранное слово “Холокост”, чтобы говорить о событиях нацио-

⁹ Подольский А.Е. Нужно ли изучать историю Холокоста в Украине? // Холокост и дело Еврейского антифашистского комитета: Материалы IV международной конференции “Уроки Холокоста и современная Россия” / Под ред. И.А.Альтмана. Москва, 2003. С. 140, 141.

нальной истории? В чём принципиальная разница между понятиями “геноцид” и “Холокост”? Следует ли заострять внимание на вопросе о национальном составе жертв нацизма в Беларуси и т. д.? Попробуем ответить на эти вопросы.

До сегодняшнего дня историческая наука Беларуси не выработала своего оригинального термина, который бы в полной мере обозначал нацистскую политику, которая проводилась в отношении евреев. Судьба другого иностранного слова “геноцид”, в отличие от термина “Холокост” оказалась более удачной, его использование и нарекания со стороны отечественных историков не вызывает. Почему же наблюдается такое нежелание принять термин, признанный во всём мире? Парадоксально, но факт: подчёркивая “интернациональный” характер геноцида, современная отечественная историография, вслед за советской, “забывает” о его национальном содержании. Чувствуются опасения белорусских историков, что тема Холокоста займёт центральное место в изучении политики нацистского геноцида в Беларуси в период оккупации. Назовём вещи своими именами: отрицание термина “Холокост” сегодня, по сути, означает отрицание самой темы, превалирование прежних идеологических штампов о тотальном уничтожении нацистами всего населения оккупированных территорий, нежелание признать особый характер политики оккупационных властей в отношении евреев.

Попробуем расставить всё по своим местам: введение в научный оборот термина “Холокост” отнюдь не означает отрицания геноцида в отношении других групп населения. Холокост является составной частью геноцида, это частично совпадающие понятия, и здесь нет противоречий. Однако наличие специфических черт позволяет отличать это явление от всех других подобных и присвоить ему собственное название. Израильский историк И. Бауэр, говоря о беспрецедентности Холокоста, писал следующее: “... Геноцид был ужасен, но он не означал тотального уничтожения угнетаемой нации, хотя бы потому, что завоёванные нужны были завоевателям в качестве рабов. Согласно нацистской терминологии, славянские народы были “унтерменшами”, низшей расой людей, но именно это и отличало их от евреев, которые вообще людьми не считались. Кто не видит этой разницы между положением евреев и остальных народов – тот искажает реальную историю”¹⁰.

Итак, попробуем дать определение термина “Холокост”: Холокост – это многовекторная нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения, включавшая правовую дискриминацию и расовую сегрегацию; геттоизацию; интенсивную эксплуатацию евреев на принудительных работах в производстве (уничтожение трудом); систему ограбления еврейского населения, лишение его средств к существованию. Дискриминационные и сегрегационные мероприятия, а также акции уничтожения еврейского населения проводились одновременно, являясь частью комплексной политики оккупационных властей, имевших целью на последнем этапе “окончательное решение еврейского

¹⁰ Катастрофа европейского еврейства. Ч. 1-2. Тель-Авив, 1995. С. 17.

вопроса”, т.е. планомерное тотальное физическое уничтожение еврейского населения.

В терминологии Холокоста чаще других употребляется термин “гетто”. Как правило, он используется без толкований и объяснений. Подразумевается, что содержание его предельно ясно, и особых комментариев просто не требуется. Казалось бы, трудности с определением этого понятия возникать не должны. Тем не менее, вопросы остаются. Что считать гетто? Каковы определяющие признаки гетто? Какие типы и разновидности гетто существовали на территории Беларуси? От ответов на эти вопросы зависит определение количества гетто и численности узников гетто в Беларуси.

Слово “гетто” в начале 20 в. воспринималось уже как анахронизм. В эпоху средневековья в Европе так называли кварталы (*ghetto, getto*, итал.), отведенные для проживания евреев. Нацистская идеология возродила саму идею обособленного проживания евреев, и вернула в обиход слово “гетто”. На период оккупации оно стало совершенно привычным понятием, как для евреев, так и для нееврейского населения.

Особо следует остановиться на характеристике гетто в белорусской историографии. В кандидатской диссертации Марины Савоняки “Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1944 гг.” (Мн., 1993) гетто характеризуются как особый тип концентрационных лагерей. Третий параграф первой главы “Немецко-фашистские лагеря для гражданского населения” назван “Гетто – особый тип концлагеря”. М.Я. Савоняко следует в своей работе традиционному для советской историографии определению гетто, как “специального концлагеря для евреев”¹¹ (в изданиях советского периода ставился знак равенства между понятиями “лагерь” и “гетто”, например, в издании “Нацистская политика геноцида и “выжженной земли” в Белоруссии (1941-1944 гг.)” гетто определены как “специальные лагеря”¹²). Но попыток выявить отличительные признаки гетто не предпринималось. Поскольку в тот период отечественная историческая наука не ставила задачу определения особого характера нацистской политики в отношении еврейского населения, соответственно игнорировалась специфика гетто, как “специальных лагерей”.

В энциклопедических и справочных изданиях последнего десятилетия дается достаточно устоявшиеся (хотя и не полные, а зачастую аморфные) определения “гетто”, например:

“У Вял.Айч. вайну на акупіраванай тэрыторыі Сав. Саюза гета – раёны гвалтоўнай ізаляцыі яўрэяў... Тэрыторыя гета звычайна абносілася калючым дротам,

¹¹ Савоняко М.Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944 гг.: Дис. ... канд истор. наук: 07.00.02. Мн., 1993. С. 12-13.

¹² Нацистская политика геноцида и “выжженной земли” в Белоруссии (1941-1944 гг.). Мн., 1984. С. 215.

рытого” типа практически идентичны, автор демонстрирует полное непонимание разницы между ними. В заключении книги автор возвращается к определению гетто как лагерей смерти: “Гетто отличались друг от друга только способом изоляции, но гетто в крупных городах, местечках и больших сёлах Беларуси объединяло то, что все они были лагерями смерти”¹⁹.

На наш взгляд, определение гетто, а также его типов должно включать характеристику особенностей условий содержания еврейского населения в сравнении с другими видами мест принудительного заключения людей в период нацистской оккупации. Невозможно дать универсальное определение “гетто” не выделяя его типов. Приведённые выше определения – это определения гетто “закрытого” типа. В связи с этим, оптимальными представляются следующие определения:

1. “Открытое” гетто – частичная изоляция еврейского населения на оккупированных нацистами территориях, путём введения правовой дискриминации и расовой сегрегации, выражавшаяся в делении населённого пункта на 2 основные части – “еврейскую” и “нееврейскую”. Характерными признаками “открытого” гетто являлись: принудительно переселение евреев из сельской местности в города (местечки); ограничение свободы передвижения евреев; визуальное выделение еврейского населения (специальные отметки в документах, ношение опознавательных знаков, маркировка домов и квартир); создание органов еврейского самоуправления; контроль сферы брачно-семейных отношений, запрещение публичного проведения еврейских религиозных обрядов; использование принудительного еврейского труда; дискриминация в продовольственном снабжении; запрет на занятие торговлей; лишение прав собственности на всё движимое и недвижимое имущество; введение системы контрибуций, штрафов и дискриминационного налогообложения; проведение акций уничтожения. Главным отличием “открытого” гетто от “закрытого” является отсутствие ограждения и охраны “еврейской части” населённого пункта. Существование гетто “открытого” типа было временным – до уничтожения или переселения евреев в “закрытое” гетто, отправки в трудовые лагеря, депортации в концентрационные лагеря²⁰.

2. “Закрытое” гетто – часть территории населённого пункта, обнесённая ограждением и охраняемая войсками СС и полиции, предназначенная для принудительного содержания еврейского населения с целью его полной физической изоляции и последующего тотального уничтожения. Характерными чертами гетто “закрытого” типа являлись: жёсткая фиксация границ гетто; принудительное переселение и концентрация в гетто всего еврейского населения города (местечка) и его окрестностей; запрещение покидать территорию гетто и соблюдение стро-

¹⁹ Там же. С. 362.

²⁰ Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения на территории западных областей Беларуси (1941-1944 гг.): Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Мн., 1999. С. 34-40; Альтман И. Жертвы ненависти: Холокост в СССР. 1941-1945 гг. Москва, 2002. С. 72.

гой пропускной системы; лишение средств к существованию; ухудшение медико-санитарной ситуации (увеличение заболеваемости, смертности, эпидемические вспышки) и продовольственного обеспечения гетто (голод); интенсификация использования еврейской рабочей силы (уничтожение трудом); проведение акций уничтожения²¹.

Есть и другие понятия, которые активно используются в теме Холокоста (юденрат, праведники народов мира, еврейская полиция, антисемитизм и др.). Хотя они вызывают меньше дискуссий в научных кругах, чем приведённые выше, это не делает проблему их точного определения менее актуальной.

Определённым показателем признания научной терминологии является её использование в учебниках и учебных пособиях. В отличие от российских особенно украинских учебников и пособий по национальной и всемирной истории, белорусский “максимум” на сегодняшний день заключается в использовании терминов “гетто” и “геноцид”, а также упоминаний об акциях уничтожения еврейского населения²². Однако термин “Холокост” для обозначения темы еврейской катастрофы в годы Второй мировой войны по-прежнему не употребляется, что свидетельствует о живучести стереотипов и догм прошлых лет.

²¹ Розенблат Е.С. Нацистская политика геноцида в отношении еврейского населения... С. 40-43, 107-108.

²² Никитенков В.И. Тема Холокоста в учебниках и учебных пособиях по истории в Республике Беларусь в 90-е годы // Катастрофа европейського єврейства під час другої світової війни. Рефлексії на межі століть: Зб. наукових праць. Матеріали конференції 29-31 серпня 1999 р. Київ, 2000. С. 333-335.